

А.В. ДМИТРИЕВА

ГДЕ ТЫ — ТАМ И Я

18+

Алёна Дмитриева

Где ты — там и я

<https://litres.ru/73079283>

SelfPub; 2026

Аннотация

Знакомо — когда внешне «в порядке», а внутри устала притворяться?

Два года Алина носит броню. Работа требует быть «той, кто справляется». Но внутри — страх: а если снять маску... ты никому не нужна?

Один вопрос незнакомца: «Ты тоже играешь роль, будто всё в порядке?» — защита даёт трещину. Он не спасает, не просит быть идеальной. Просто смотрит — и видит. В этом взгляде можно выдохнуть.

Близость обнажает то, от чего бежим: страх границ, страх потери себя. Вокруг чужие сценарии: подруга, теряющая себя; мать, боящаяся одиночества; привычка платить за любовь жертвами.

Не про поиск «того самого». Это про отказ от роли «хорошей». Про любовь без доказательств — место, где можно дышать. Без маски. Без боя за право остаться.

Для тех, кто устал быть фоном. Дом начинается не с ключей, а с человека, где не нужно притворяться.

«Где ты — там и я» — роман о смелости выбирать себя. Ты уже кто-то. Просто... ты.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Алёна Дмитриева

Где ты — там и я

Пролог

Ты не фон. Ты человек.

Я не хочу выходить из этой комнаты. Всей кожей, всем телом, каждой клеткой — сопротивляюсь. Рука не тянется к дверной ручке; ноги будто приросли к полу. За дверью — мир, где мои движения, слова, даже молчание будто заранее осуждены.

Эта комната — мой мир. Тихий. Единственный, где я — я. Не «та, что всё делает не так», не «та, чья забота — вмешательство», не «та, которая лишняя». Здесь я не сжимаюсь в комок, не подбираю слова, не держу лицо. Здесь я — та, которая может быть любой. Даже собой.

Иногда я ловлю себя на мысли, которая пугает до дрожи: хочу, чтобы исчезли ожидания. Не чтобы мир рухнул, не чтобы люди страдали — чтобы исчезли требования ко мне. Чтобы я могла дышать. Чтобы моё было моим. Чтобы я смотрела на себя — а не отводила взгляд, будто стыдно быть собой.

Каждое утро — серое, вязкое. Не потому, что трудно вста-

вать, а потому что каждый рассвет — пытка выбора: выйти и снова надеть броню или остаться и чувствовать себя предательницей собственной жизни.

А пока...

Я остаюсь здесь. В своей комнате — единственном месте, где я ещё чувствую себя живой. Где могу просто дышать — без маски, без слов, без боя за право остаться.

И я не знаю, что сломается раньше.

Эта стена.

Или я — внутри неё.

Глава 1

Алина влетела в «Stars Coffee», и мокрый снег, застывший в висках, начал таять — холодными иголками по коже. Позади остались ноябрьский хаос делового центра: выхлопы, крики, треск обледеневшего асфальта под каблуками. Здесь — пар от чашек, запах кофе и тишина, в которую можно провалиться.

За плечами — десять изнурительных часов в офисе, три сорванных дедлайна и фальшиво-вежливый голос поставщика, который в третий раз сказал: «Завтра точно». Но главная усталость была не от работы. Она — от каждого дня, прожитого в доказательство. Не начальству. Не родителям. А невидимому, мрачному оппоненту, которого она сама выстроила в голове — тому самому, вечно недовольному критику: себе.

Она заказала большой чёрный кофе — горький, прямой, без сахара, без молока. Ей хотелось одного: быть просто одной. Без назойливого шума. Без беспощадной суеты. Без тяжёлых обязательств перед начальством, которое смотрело на неё как на «молодую, но, надеемся, послушную».

Алина выбрала маленький, потёртый столик у окна и села, глядя на изнурённых, спешащих прохожих.

Два года назад этот город обещал: «Здесь ты сможешь быть кем-то». Она поверила. Хотела заработка, от которого

не придётся прятать глаза. Хотела карьеры, где её имя — не «та самая из провинции», а просто Алина.

Здесь, в шумной, требовательной Москве, она решила создавать себя заново. Быть острее, выносливее, значимее. Не для славы. А чтобы никогда больше не чувствовать себя никем — нужной лишь тогда, когда молчит.

И вот она здесь. С ноутбуком, дедлайнами, тремя сорванными поставками за день... И всё равно — никто.

Она положила на стол тяжёлый, холодный ноутбук, достала истрёпанный, исписанный планер и ручку — и тут же отложила. Не до работы. Хотя в напряжённый, лихорадочный предновогодний период отдел закупок превращался в беспощадный муравейник: все суетились в отчаянии, выходили курить каждые два часа и срывались друг на друга от неподъёмных сроков.

Иногда Алина думала, что ненавидит эту работу — не потому, что тяжело, а потому что она заставляла её быть не той. Здесь — либо хороший сотрудник, либо хороший человек. Выбрать можно только одно. И каждый раз, когда она подписывала договор, обманывающий мелких поставщиков, или молчала, пока начальник унижал стажёра при всех, внутри что-то ломалось.

Алина ждала Соню — тихую, надёжную коллегу из соседнего отдела, с которой случайно, но крепко сдружилась за эти два года. Соня была единственным по-настоящему тёплым человеком, с кем она общалась в Москве. Работа не

оставляла ни свободной минуты, ни живой силы на поиски «каких-то там друзей». Вместе они ездили и на работу, и с работы — жили в одном районе, делили мокрое такси в ледяной дождь и спасительное молчание в метро после изматывающего дня.

Взглянула на часы — 19:55. За окном — уже темно, и всё те же спешащие домой прохожие. Алина отвела взгляд и ждала тишины. Той самой — глубокой, целительной, настоящей, за которую она боролась с первого же дня переезда.

Она слишком глубоко ушла в мысли, в этот едкий, привычный вкус усталости, когда услышала — голос. Тёплый, чуть хриловатый, с лёгкой интонацией вежливой растерянности:

— Здравствуйте...

Она подняла глаза — и увидела мужчину. Волосы тёмные, влажные от снега, растрёпаны ветром, будто он не шёл по улице, а вышел из бури. Но взгляд — спокойный. Просто стоял — как будто у него было время. У неё — такого не было уже два года.

— Я тут забыл на столике книгу — в подарочной обёртке. Полчаса назад. Не видели?

— Нет, — сказала Алина, оглядываясь.

— Странно... — Он провёл рукой по волосам. — Это был подарок маме к юбилею. Я точно сидел здесь полчаса назад. Пил кофе. Забыл книгу, наверное... Или, может, не здесь? — пробормотал он, оглядывая столик.

Алина молчала. Пальцы сжали стакан. Её полностью выдернуло из мыслей — так резко, будто разбудили. Сказать было нечего. Просто — растерянность.

Он улыбнулся — не вежливо, а искренне, с лёгким смущением.

— Зато теперь у меня есть повод остаться. Можно присесть, пока они поищут?

Она посмотрела на свой стаканчик с логотипом кофейни, на город за окном, на руки, всё ещё сжимавшие стакан в напряжении.

— Садитесь.

Он устроился напротив, заказал себе кофе — такой же чёрный, без сахара.

Алина посмотрела на свой стакан, потом на него — и тихо сказала:

— Как у меня.

— Интуиция? — спросил он.

— Нет... Просто выглядите так же, как я. Будто два года не спали.

Он помолчал. Потом посмотрел прямо в глаза. Пристально. Так, будто видел насквозь:

— Ты тоже всё время играешь роль, будто у тебя всё в порядке?

Алина резко отвела взгляд. Сделала глоток — кофе обжёг горло.

— Всё время, — ответила она, будто в шутку. — Даже

сейчас, наверное, «играю» — пытаюсь быть вежливой.

— А если перестать?

Она незаметно отодвинулась от края стола, будто пытаюсь отступить от собственного ответа. Пальцы вновь сжали стакан — так, что суставы побелели.

— А вдруг я... просто никто? — выдохнула она.

Слова повисли в воздухе.

Он не ответил сразу. Только посмотрел — не оценивающе, не жадно. Просто... увидел.

— А если ты уже кто-то? — произнёс незнакомец. — Просто... ты?

Он ждал. Не отводил взгляд. Не улыбался. Не смягчал. Только смотрел — прямо, без укрытия.

Она отвела взгляд к окну, где за стеклом мелькнул прохожий — одинокий, сторбленный, с пакетом в руке. И в нём она словно увидела себя двухлетней давности.

Бариста подошёл:

— Книгу не нашли.

— Спасибо, — сказал он.

Помолчал. Взял салфетку, написал что-то на ней и положил на столик.

— На случай, если вдруг захочется... поговорить с тем, кто тоже устал притворяться.

Он ушёл. Дверь кофейни тихо закрылась за ним.

Алина осталась одна. Но тишина уже не была прежней. В теле ещё дрожало напряжение — как после резкого тормоза:

сердце ещё колотилось, но мир вокруг уже замер.

Она посмотрела на салфетку. Белая, обычная. Несколько цифр, имя — больше ничего. Пальцы замерли над запиской.

Взять — значит поверить. А она давно перестала верить. Но что-то внутри — тихо, едва слышно — прошептало: *А если он прав? Если ты уже кто-то?*

Она медленно сжала салфетку в ладони. Не для того, чтобы позвонить. А чтобы сохранить этот момент — до тех пор, пока не решится: правда это или просто вежливость.

Колокольчик над дверью звякнул, возвещая о новом посетителе. Взгляд Алины скользнул к двери. В кофейню вошла Соня.

Она не шла — она буквально врывается в пространство, сбивая каблучком снег с подошвы, будто боялась, что каждая секунда промедления стоит ей чего-то дорогого. Лицо бледное, под глазами тени, которые не скрывал даже приглушённый свет кофейни. Она заметила Алину, и на мгновение во взгляде мелькнуло облегчение, тут же сменившееся виноватой гримасой.

Соня рухнула на стул напротив, даже не сняв пальто. Дрожащими пальцами начала расстёгивать пуговицы, но они не слушались — скользили по ткани, не попадая в петли.

— Ты долго, — тихо сказала Алина, убирая салфетку с номером глубоко в карман.

— Знаю... Прости, — выдохнула Соня, наконец справившись с верхней пуговицей. Голос сел, будто она только что

кричала.

— Возня с бумагами в отделе. Акты сверки не прошли, контрагент требует оригиналы завтра утром, а у меня половина сканов не грузится на сервер. Начальник отдела стоит над душой, орёт, что я тормоз...

Соня замолчала, перевела дыхание. Глаза блестели — не от света ламп, а от слёз, которые она так и не выпустила наружу.

— У нас тоже сейчас просто завал, — Алина посмотрела на подругу с теплом.

— Предновогодний период. Все с ума сошли. Выдохни. Ты здесь.

Соня кивнула. Руки всё ещё суетились, пытаясь повесить пальто на спинку стула.

— Просто... надоело, Аль. Как будто сколько ни беги, до цели не добраться.

В этот момент на столе завибрировал телефон Сони. Экран вспыхнул ярким, назойливым светом. Имя на дисплее заставило Соню сжаться. Всё её тело мгновенно окаменело, плечи втянулись в шею, как у человека, чувствующего опасность.

Саша.

Алина видела, как изменилось лицо подруги. Исчезла измождённость — появился страх. Тихий, привычный, удушающий.

Соня медленно провела пальцем по экрану. Поднесла те-

лефон к уху. Голос, когда она заговорила, стал неузнаваемым — тихим, заискивающим, будто она извинялась уже за сам факт своего существования.

— Алло... Да, я в кафе... С Алиной...

Тишина. Голос в трубке был слышен плохо, но интонация резала слух даже на расстоянии. Грубая, требовательная, без единой ноты тепла.

— Я не понимаю, что ты имеешь в виду... — Соня сжалась ещё сильнее, пальцы впились в край стола.

— Я же сказала, работы много... Нет, я не гуляю...

Алина отвернулась к окну. Будто смотрела на снег. Но видела, как напряглась у Сони спина, как её щёки горели от каждого слова.

— Ты мне мозг не пудри, Софа! — голос Саши прорвался сквозь динамик настолько громко, что Алина вздрогнула.

— Я тебя спрашиваю: когда будешь? Я жрать хочу! И вообще, зачем я с тобой живу — чтобы самому себе готовить?

Соня закрыла глаза. По щеке покатилась слеза, но она даже не вытерла её.

— Я скоро... Я просто кофе допью... — пробормотала она.

— Какой кофе?! — взревел он. — Ты мне сейчас же встанешь и пойдёшь домой. Смотрю, сплетни с подружкой стали важнее. Тебе плевать, что я устал с работы?

— Не плевать... — тихо произнесла она, и в голосе не было защиты. Только покорность.

— Если через час не будешь — не открывай дверь. Поняла?

Гудки.

Соня медленно опустила телефон на стол. Рука легла на экран, будто пытаюсь заглушить остаточный звук его голоса. Она сидела неподвижно, глядя в одну точку. В её глазах была пустота. Та самая, о которой Алина думала пять минут назад, глядя на салфетку с номером. Но у Алины эта пустота была наполнена надеждой. А у Сони — только обязанностью быть удобной.

— Сонь... — начала Алина, но не нашла слов.

Соня моргнула, будто выходя из транса. Резко смахнула слезу ладонью, натягивая на лицо маску спокойствия, которая выглядела жалкой и прозрачной.

— Всё нормально, — соврала она. Голос дрогнул. — Просто... настроение плохое. Работа нервы вымотала.

Она начала лихорадочно собирать вещи. Телефон, шарф, перчатки. Движения были резкими, нервными.

— Мне правда надо идти. Он... он ждёт. Не любит, когда задерживаюсь.

Алина смотрела, как подруга надевает пальто, пряча дрожащие руки в рукава.

— Я вызову тебе такси, — твёрдо сказала Алина, доставая телефон.

— Нет, — быстро отказалась Соня. — Не надо. Я сама. Так быстрее.

Она постояла секунду, будто хотела что-то добавить. Посмотрела на Алину — с благодарностью и одновременно с завистью. С завистью к тому, что Алина одна и может сидеть здесь, спокойно пить свой кофе.

— Спасибо, что дождалась, — тихо сказала Соня. — Извини, что всё так... ухожу.

— Сонь, — Алина протянула руку, коснулась её запястья. — Позвони мне. Когда доедешь.

Соня кивнула. Развернулась и вышла.

Колокольчик звякнул снова. Алина осталась одна. Тишина вернулась. Но теперь она давила. В кармане жгла ткань салфетка с номером. Там, за стеклом, Соня бежала сквозь снег к человеку, который кричал на неё за чашку кофе. А здесь, на столе, остывал второй стакан, который так и не был выпит.

Алина не ждала, что переписка с незнакомцем станет чем-то большим, чем тень в телефоне. Но теперь, спустя неделю, каждое его сообщение было для неё как глоток воздуха перед погружением — коротким, но достаточным, чтобы не захлебнуться в буднях.

Ноябрь в Сокольниках был таким, каким бывает только ноябрь в Москве: холодный, но не зимний, сырой, но не дождливый, тихий — но не пустой. Воздух пах прелой листвой, мокрой землёй и той особой ноябрьской сыростью, будто сам город замедлил дыхание.

Алина стояла у пруда, засунув руки в карманы, и смот-

рела, как вода — тёмная, почти чёрная — отражает голые ветки, как на поверхности дрожит небо, как всё вокруг будто остановилось, чтобы дать ей передышку. Холод проникал под воротник, но она не шевелилась — будто замёрзла в этой тишине, чтобы не спугнуть покой.

Она вспомнила тот первый вечер, когда, уставшая до боли в глазах, написала ему в Telegram: *Иногда так устаёшь притворяться, что забываешь — кто ты на самом деле.* Ей тогда показалось — это безумие: писать незнакомцу о самом сокровенном. Но он ответил — не шуткой, не комплиментом, а тишиной между словами: *Так сбрось эту маску. Я рядом.*

С тех пор их переписка стала их тайной — не потому что скрывали, а потому что в ней не было масок. Они уже знали друг друга по голосу в сообщениях, по паузам и ответам, по той лёгкой искренности, что была между ними.

И теперь — он шёл по аллее, засунув руки в карманы, с лёгкой тяжестью в плечах — той самой, что накапливается, когда весь день ты — для кого-то, а не для себя. Он был в тёмной куртке, его русые волосы слегка растрепал ветер, а в глазах — покой. Такая, будто он давно знает: главное — не бежать, а просто идти.

Она не ждала. Не нервничала. Просто была здесь. Не красилась. Не выбирала «тот самый» свитер. Просто пришла — как есть.

— Привет, Алина, — сказал он, останавливаясь рядом.

Его голос звучал тепло, без напора, будто они не начинали, а продолжали то, что было прервано вчера вечером.

— Привет, Руслан, — ответила она.

Они пошли по аллее. Не держась за руки. Не напрягаясь. Просто — рядом. Ноябрь — особенный. Нет ни листьев, ни снега. Только голые ветки, серое небо, пустые скамейки — и ощущение, что весь мир отступил, оставив им пространство для дыхания.

— Почему именно сюда? — спросила Алина.

— Потому что здесь можно молчать и не чувствовать вины.

Он улыбнулся — не губами, а глазами.

— Я бы сама сюда пришла, — сказала она, — если бы знала об этом месте.

— Теперь знаешь.

Они шли долго, иногда молчали, иногда говорили. Но не о профессии, не о планах, не о «куда это движется», а о красоте поздней осени и ценности спокойных мест в суетной Москве. Иногда их локти слегка касались — и каждый раз Алина чувствовала: тепло, которое не требует слов.

— Ты не спрашиваешь, почему я написала тебе?

— Нет.

— Почему?

— Потому что я и так знаю.

— А если я сама не знаю?

Он остановился. Повернулся к ней. Не приближаясь — но

и не отстраняясь. Его взгляд касался не лица, а глубины, проникая сквозь защиту. Будто между нами протянулась невидимая нить.

— Тогда скажу: потому что устала быть одна.

Алина не ответила. Не опустила глаза. Не отвела лицо. Просто замерла — как человек, которому вдруг сказали вслух то, что он прятал десять лет в самом глубоком ящике души. Её дыхание перехватило, но она не дрогнула. Не выдала слабости. Не позволила себе ни вздоха, ни дрожи в голосе — потому что так её учила жизнь: сначала слушай, потом думай, и только потом — говори. И если нечего добавить к правде — не порти её лишним словом.

Руслан не отвёл взгляд. Его пальцы дёрнулись в кармане, будто хотели коснуться её, но он остался на месте — не давя, не настаивая, просто рядом.

— Я тоже. И сегодня — я здесь.

— Этого хватит, — ответила еле слышно Алина.

Они сели на скамейку. Рядом — пусто. Вокруг — ни туристов, ни детей, ни влюблённых. Его рука лежала на скамейке — рядом с её ладонью, но не касаясь. Как будто ждал:

Разрешить?

— Ты не спрашиваешь, откуда я приехала?

— Зачем? Ты здесь.

— И не спрашиваешь, чем живу?

— Мне суть важна.

Они не флиртовали. Просто сидели — рядом, и в этом

«рядом» было больше тепла, чем в сотне слов.

Ветер усилился, и Алина поёжилась. Руслан заметил это и сказал:

— Пойдём?

— Давай.

— Куда?

— Туда, где можно ещё немного остаться собой.

— Знаю такое место, — улыбнулся он. — Маленькая кофейня за углом. Там даже названия нет...

Он не взял её за руку, а просто пошёл рядом. Алина шла за ним — шла за человеком, которому готова довериться, как будто он всегда был. Просто нужно было встретиться.

На следующий день, выйдя из офиса, Алина увидела, как Соня молча смотрит в экран телефона — и сразу поняла: сегодня будет тяжёлый вечер.

— Поехали ко мне, — сказала Соня, засовывая руки в карманы куртки. — Сашка опять уехал с друзьями в Питер, а мне не хочется ужинать одной.

Алина кивнула. Не сказала «спасибо» — просто пошла рядом, как будто обе знали: сегодня — не день для одиночества.

Они вышли из офиса в 20:45. Под ногами — хруст соли на тротуаре, в ушах — гул уезжающего автобуса, в груди — тяжесть невысказанного дня. Спустились в метро — толпа, гул, вонь от мокрых пальто. Соня оперлась на поручень, закрыла глаза — на миг. Алина почувствовала: она не спит.

Она просто прячет слёзы.

Они молчали. Не потому что не было о чём говорить, а потому что иногда молчание — самый честный разговор.

Когда подошли к двери Сониной квартиры, она вдруг остановилась — как будто вспомнила что-то невыносимое:

— Ты знаешь... — голос дрогнул.

— Вчера он говорит: «Зачем тебе свадьба? Мы же и так вместе». Я спросила: «А дети?» Он: «С ума сошла? Квартиры нет, денег нет...»

Помолчала. Сжала ключи в кулаке.

— А через два часа ушёл с пацанами в кальянную.

Алина не ответила. И не нужно было. Всё — очевидно, ясно, больно. И Соня сама это уже понимала. Её дыхание перехватило, но она не дрогнула. Не позволила себе слабости — даже здесь, даже перед подругой.

Она открыла дверь, включила свет — тёплый, жёлтый, домашний, но в квартире — пусто. На подоконнике — пыльный фикус, листья поникли от жажды. На стене — старая фотография: Соня и Саша у моря, два года назад, он смеётся, обнял её за плечи, а она — сияет, как будто верила: *Это навсегда.*

Ни записки. Ни цветов. Только пепельница с недокуренной сигаретой и ноутбук с открытым сериалом.

Соня взглянула на телефон — 22:10. Она ждала звонка от Саши — хотя бы: *Добралась?* Но экран — тёмный, молчаливый.

Алина поймала этот взгляд — и всё поняла. Быть никем для человека — хуже, чем быть одной.

В этот момент телефон Алины зазвонил. Она знала — это Руслан, хочет убедиться, что она добралась. Но сбросила звонок — сейчас это было бы ножом по сердцу Сони. Сразу пришло СМС: *Хотел спросить — добралась?* Алина быстро напечатала: *Да, дома. Позже позвоню* — и убрала телефон в карман.

Ей не хотелось делиться тем, что она, кажется, нашла своего человека. Сегодня был другой вечер — разделить печаль и боль подруги.

— Он никогда не забирает меня с работы, — печально сказала Соня.

Помолчала. Бросила куртку на стул — не аккуратно, а как будто больше не могла нести даже ткани на плечах.

— Даже в дождь. Даже когда я болею.

Голос дрогнул, но она не дала себе замолчать.

— Говорит: «Ты взрослая. Сама дойдёшь».

Соня резко отвернулась к окну.

— А сам каждые выходные — где-то: то в бане, то в спорт-зале, то за компами до утра...

Тишина. Длинная. Она сжала пальцы, будто сдерживала что-то внутри.

— А я... Как фон, — наконец выдавила Соня.

— Как лампочка в коридоре: горит — но кто её замечает? Не жена. Не подруга. Просто... «она».

Алина дала Соне выговориться, потому что знала: накипело. Годы молчания, притворства, «я справляюсь», когда на самом деле ей просто не с кем было сказать правду. И сейчас, в этой тёплой, пустой квартире, горечь несправедливости, обиды, одиночества — хлынула через край. И Алина не стала останавливать её. Потому что иногда, чтобы снова стать собой, нужно сначала излить из груди весь яд.

Соня не села, а прошла по кухне, налила вино в два бокала, подала один Алине, а сама взялась резать сыр — медленно, будто откладывая признание.

— А ещё... — голос стал тише, — он никогда не даёт свой телефон. Говорит: «Ты же не ревнуешь?»

Соня подняла глаза — сухие, но горящие.

— А я и не ревную. Просто... он не доверяет. Как будто я — посторонняя. А не та, с кем он каждый день делит постель.

Нож стукнул о доску. Она положила его.

— Мне тридцать, Алина.

— Я хочу детей. Не потому что «надо». А потому что хочу! Хочу семейных праздников. Хочу уюта...

Её голос сорвался.

— А он даже не помнит, как зовут мою маму!

Она резко повернулась к плите — не потому что там что-то горело, а чтобы спрятать лицо.

— И никогда не платит за меня! — выпалила, уже не сдерживаясь. — Кричит: «Мы же семья!» «Семья — значит, всё

по-честному!»

Соня резко повернулась, и в голосе — наконец, прорвалось:

— А по-честному — это я сама за всё! Даже за то, что «мы» решили вместе: кино, ужин, даже подарок его маме!

— А он? Тусит с друзьями два дня подряд. Ночами — его нет. А утром — как ни в чём не бывало. Детей не хочет. Обо мне — ни вопроса, ни заботы...

Тишина. Только дыхание.

— Даже чашку чая не поставит, если я устала.

Соня села напротив. Прошептала, почти себе:

— Но финансово — «мы»!

Алина собрала все силы, чтобы молчать. Сжимала бокал — стекло холодело в ладони, будто пыталось удержать её в границах вежливости. Губы — сжаты, зубы стиснуты так, что в висках застучала пульсация. Внутри — нарастала не обида, а ярость: за Соню, за себя, за всех, кого заставляют быть «фоном».

Она всегда старалась молчать в такие моменты — потому что её слова звучали слишком чётко, слишком правдиво, и всегда резали — как нож по уже израненной коже. Но теперь — не смогла.

Алина резко встала. Стул заскрежетал по паркету — резко, как выдох после удушья. Голос — холодный, и, как ударила, сказала:

— Это не семья... Это эксплуатация под маской «мы»!

Мужчина — это не «я не убираю, я не плачу, я не забочусь».
Мужчина — это «я с тобой», даже когда тебе тяжело. А он...
Он жрёт твои силы — и называет это «жить вместе»!

Соня застыла. Не от прямоты — от узнавания. Все её тайные мысли — теперь вслух. И это не стыдно. Это — облегчение. Да именно так она последнее время и считала.

Алина сделала глоток вина, грудь тяжело вздымалась, но голос — уже тише, но твёрже:

— Ты не обязана терпеть это ради «не быть одной». Лучше быть одной — но собой. Чем «вместе» — и исчезать понемногу.

Соня стояла, опустив глаза, слёзы — наконец-то упали, но не от слабости — от свободы: *Кто-то наконец сказал то, что я боялась признать.*

— Ты не фон, — сказала Алина, подойдя ближе, и обняла подругу, — ты человек. А он... Он просто ещё не понял, что теряет. Уходи. Зато останешься собой.

Соня вздохнула — не с надеждой, не с отчаянием, а с той бессильной покорностью, с которой снимают тяжёлую обувь после долгого дня.

— А если он не поймёт? Если я уйду — а он даже не заметит?

Алина молча подлила ей вина. Бутылка чокнулась о бокал — мягко, как будто не хотела нарушать хрупкое равновесие в комнате.

— Тогда ты сохранишь себя, — сказала она. — А он...

Останется с тем, что у него есть: с друзьями, кальяном, сериальной тишиной на диване, с телефоном, в который никто не звонит, с будущим, которое не становится «завтра».

Всю следующую неделю Алина полностью ушла в работу. Предновогодний аврал, беспощадная куча задач и давно сорванные сроки поглотили её без остатка. Не было времени на обед. Не было времени даже на глоток кофе. Из офиса она выходила ближе к девяти вечера — измученная, выжженная изнутри — и в сером, унылом полумраке метро долетала домой к половине одиннадцатого. А в шесть утра — снова подъём. Ноябрь и декабрь были самыми жестокими месяцами в году: не до любви, не до мечтаний — даже до того, чтобы вспомнить, что забыла поесть, не доходило. Всё происходило на изнеможённом автомате: подъём — метро — работа — метро — постель.

Но, несмотря на эту беспросветную истощённость, они говорили. Каждый вечер, когда она еле держалась на ногах, Руслан писал ей в Telegram. Не с требованием, не с навязчивостью — просто: *Ты как?* Они отправляли друг другу тихие голосовые, короткие видео — и иногда говорили до глубокой ночи, рассказывая о том, что болело сегодня.

И самое ценное было в том, что он не убегал от её выжженности. Он не делал вид, что всё легко. Не превращал её боль в задачу для себя. Иногда молчал дольше, чем нужно. Иногда, наверное, не знал, как быть. Но никогда не заставлял её быть «в порядке» ради него. И в этом — в его готовности

принять её настоящей — она впервые почувствовала: *Я могу просто быть. Без доказательств.*

За эту неделю она узнала о нём многое: ему — двадцать восемь, недавно закончил напряжённую ординатуру, работает стоматологом в беспощадно ритмичной сети клиник, живёт в районе Преображенской площади. Работает так же много — режим, выжимающий все соки, но может сам выбирать выходные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.